

откашлялся: таким **слабым и свистящим** показался ему собственный голос («Конокрады», 3, 245). Сигналом эмоциональной интонации являются и конструкции с опущенным сказуемым со значением речи. Например: «— Куда? На бега? С моим удовольствием.— **Рыбников шумно встал, опрокинув стол.**— Это где лошади скачут?» («Штабс-капитан Рыбников», 4, 234). Такие ремарки фиксируют не факт речи, а сопутствующее действие. По интонационному оформлению и синтаксическим связям с прямой речью многие ремарки представляют собой вставные предложения. «Включенные в прямую речь в качестве попутного сообщения, они интонационно обособляются, воспринимаются как нечто побочное и второстепенное по сравнению с основной частью и создают особый ритмико-интонационный склад речи, близкий к живому разговорному.»³

Авторская ремарка может уточнять эмоциональность интонации, которая содержится в реплике персонажа: «Я спросил, указав на кричавшего младенца: — Сколько месяцев ребенку-то? — Ме-ся-цев? — **удивилась баба.**— Что ты, кормилец, господь с тобой. Только вчера вечером родила.» («Черная молния», 5, 386). Удивление, которое передается репликой, характеризующей длительность звучания слова, уточняется авторской ремаркой.

В авторских словах мы находим и указания на спонтанность, неподготовленность речи персонажа. Как известно, в условиях спонтанного общения бывает трудно подобрать нужное слово. И своими ремарками автор показывает это: «— О нет, нет,— живо возразила она.— Это ничего, что наше знакомство слишком коротко... Знаете... знаете...— **Она запнулась и искала слова.**» («На разъезде», 1, 236). Такие ремарки активизируют воображение читателя.

Итак, роль авторских ремарок в воспроизведении разговорной речи весьма велика. Они уточняют речь персонажей, указывают на ее особенности. С помощью авторского комментария читатель узнает о том, с какой интонацией была сказана та или иная фраза, какие мысли и чувства говорящего скрыты за ней. В произведениях Куприна чаще всего авторские ремарки имеют значение оценки говорящего лица, его характеристики. Поэтому они способствуют стилизации разговорной речи, созданию иллюзии живого разговора.

¹ Полищук Г. Г. и др. Некоторые особенности художественного отражения разговорной речи // Вопросы стилистики.— Саратов, 1976.— С. 27.

² Куприн А. И. Собрание сочинений: В 9 т.— М., 1971—1973.— Т. 3.— С. 409. Другие ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием цифрами (через запятую) тома и страницы.

³ Пискунов П. К. Некоторые структурно-стилистические особенности авторских ремарок при прямой речи в «Поднятой целине» М. Шолохова // Вопросы русского и общего языкознания.— Душанбе, 1965.— С. 42.

С. А. КИСЕЛЕВ

СИНТАКСИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РУССКОГО ЯЗЫКА И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ

Синтаксическая модель (структурная схема, структурная основа предложения) — это элементарная синтаксическая структура со своей формальной организацией и определенным типовым значением, способная выступать в качестве образца для построения бесконечного множества высказываний. Как единица синтаксического описания синтаксическая модель позволяет свести необозримый инвентарь конкретных высказываний к довольно ограниченному списку, что дает возможность, к примеру, интенсифицировать процесс обучения русскому языку как иностранному и т. д. Однако следует отметить и тот факт, что вопросы о критериях синтаксической элементарности, о количестве конституиру-

ющих элементов являются до сих пор спорными. Так, сторонники «грамматического» подхода включают в схему предложения только традиционно выделяемые главные члены, ограничивая количественный состав модели одним-двумя компонентами. Сторонники «информативно-грамматического» подхода, исходя из необходимости обеспечить как грамматическую, так и информативную полноту модели, ее независимость от контекста, предлагают включать в состав модели, на правах обязательных, два, три и более компонентов.

В качестве основания построения структурной схемы в данной статье принята предложенная Т. П. Ломтевым идея представления структуры высказывания как своего рода «системы с отношениями». При таком подходе структура информации, выражаемой предложением, рассматривается как «множество предметов, связанных некоторым отношением». Следовательно, вопрос об обязательности / факультативности того или иного компонента решается довольно однозначно: в структурную схему предложения входят имена предметов, связанных какими-либо отношениями, и имя отношения, т. е. глагол и другие формы¹.

Во многом аналогичный подход, реализуемый в трудах чехословацких русистов², позволяет выделять модели с количественным составом от одного до пяти компонентов. Синтаксическая модель предложения, в таком понимании, позволяет, на наш взгляд, более адекватно, чем в рамках «грамматического» подхода, описывать синтаксические особенности отдельных функциональных разновидностей литературного языка, различающихся как совокупностью языковых средств (моделей), так и частотностью их употребления. Следует, однако, подчеркнуть, что в отношении интерпретации количественного состава структурных основ имеются некоторые различия между авторами «Русской грамматики», вышедшей в Праге в 1979 году, и советскими лингвистами. Характер различий сводится в основном к проблеме включения / невключения в состав модели на правах обязательных компонентов глагольной связки или связочного полужнаменательного глагола. В работах советских лингвистов при установлении количественного состава модели глагольная связка в качестве особого (самостоятельного) компонента обычно не учитывается. В концепции авторов пражской «Русской грамматики» глагольная связка (полужнаменательный глагол) входит в состав модели на правах обязательного компонента. Впрочем, данное расхождение применительно к нашим целям можно считать непринципиальным, так как оно касается сравнительно небольшой доли исследуемого материала.

С опорой на систему структурных основ предложения, представленных в пражской «Русской грамматике»³, нами было проанализировано методом сплошной выборки свыше пяти тысяч различных синтаксических структур из текстов «Правды», «Известий», «За рубежом», «Комсомольской правды», «Литературной газеты». Анализу подвергались как простые предложения, так и сложные синтаксические структуры, составные части которых возможно было свести к грамматически и семантически автономным моделям. Это позволило выделить следующие особенности языка газеты.

Во-первых, в газетных текстах ощущается значительное влияние такого экстралингвистического фактора, как стремление дать максимум информации в ограниченном объеме текста. Однако достигается это, в отличие, например, от языка научного стиля, не за счет стремления к языковой экономности, лаконичности формы и точности изложения, а во многом за счет структурного усложнения модели предложения. В силу этого в газетных текстах широко используются предложения, распространяемые причастными и деепричастными оборотами, нередко несущими значительно большую информативную нагрузку, чем сама структурная основа. Нередки, например, случаи, когда синтаксическая модель предложения бывает представлена тремя компонентами, количественный же состав распространителя объектного компонента включает до двадцати словоформ. Нередко используется также «ступенчатое» рас-

пространение простого предложения, когда ключевое слово деепричастного оборота, распространяющего главный член структуры, распространяется, в свою очередь, причастным оборотом.

Во-вторых, язык газеты бывает усложнен наличием иного рода пространителей, относящихся как к субъектному, так и к объектному компонентам. Во многих случаях субъектный компонент выражен сочетанием трех и более словоформ. Можно наблюдать и наличие нескольких распространенных субъектов при одном предикате, причем общее количество словоформ подобного «субъекта-гиганта» доходит иногда до пятнадцати: «На аэродроме делегацию провожали председатель советско-французской секции Парламентской группы СССР..., другие официальные лица, а также посол Франции в СССР...» (Известия.— 1985, 13 июля). Таким образом, исходя из того, что большая часть субъектных и объектных компонентов представлена в виде многочленных блоков (в основном цепочек генитивных словосочетаний), было бы целесообразным, наряду с употреблением соответствующих традиционных терминов, использовать термины «субъектный (объектный) блок-компонент».

В-третьих, обстоятельственный компонент модели нередко представлен сочетанием нескольких соподчиненных словоформ, из которых выделить одну в качестве основной довольно затруднительно ввиду их равной информативной ценности. Например: «Сижу на улице за столиком кафе на площади Мигель Дасо» (Лит. газета.— 1985, 17 июля).

В-четвертых, большое количество моделей встречается в виде различных модификаций, вносящих дополнительные смысловые нагрузки: 1) грамматических: «...Тысячи американских солдат будут погибать в этой партизанской войне...» (Комс. правда.— 1985, 2 июля). 2) фазисных: «...Его ученики начинают работать самостоятельно» (Комс. правда.— 1985, 18 августа). 3) модальных: «...Число безработных должно сократиться...» (За рубежом.— 1985, 30 августа — 5 сентября). Зачастую несколько модификаций, как бы наслаиваясь друг на друга, создают довольно сложную структуру, например: «Мы будем продолжать бороться» (Комс. правда.— 1985, 20 августа). Вероятно, предложение это, сводимое к простой модели *Мы боремся*, получено путем двухступенчатой модификации — грамматической: *Мы будем бороться* и фазисной: *Мы продолжаем бороться*. Указанные структуры в качестве центральных моделей должны быть нейтральными, т. е. иметь следующий вид: 1) Тысячи солдат погибают; 2) Ученики работают; 3) Число безработных сокращается.

Лингвостатистический анализ газетных текстов позволил выявить своего рода частотную иерархию моделей, характерную для данной разновидности литературного языка. В целом получилась следующая картина употребительности моделей. Двусоставные структурные основы предложений как с глагольным, так и с именным сказуемым отличаются более высокой степенью частотности, чем односоставные. Их доля составляет 92,6 % всего материала, в то время как на долю односоставных приходится соответственно 7,4 %. Среди двусоставных наибольшей частотностью употребления характеризуются предложения, сводимые к трехкомпонентной модели с глагольным сказуемым — 48,4 %. Из них наиболее активна (более половины трехкомпонентных моделей с глагольным сказуемым) модель с переходным глаголом: «Пленум утвердил проект повестки дня съезда» (Правда.— 1985, 4 июля). Предложения, сводимые к модели с объектным компонентом в форме косвенных падежей с предлогом, употреблены примерно в два раза реже, их количество составило 12 % материала. Пятая часть трехкомпонентных структур представлена моделью с обстоятельственным компонентом. Например: «Филиалы фирмы находятся в Австрии, Италии, Франции и Аргентине» (Лит. газета.— 1985, 17 июля).

Четырехкомпонентные модели, составляющие 11,4 % всех предложений, подразделяются на три большие группы: 1) модели с двумя объектными компонентами без предлога. Например: «Советская делегация

вручила корейским друзьям Красное знамя...» (За рубежом.— 1985, 23—29 августа); 2) модели с одним объектным и одним обстоятельственным компонентом. Например: «Правящая диктатура без суда и следствия бросает в тюрьмы сотни людей...» (За рубежом.— 1985, 23—29 августа); 3) модели со вторым объектным компонентом в форме косвенных падежей с предлогом: «США и НАТО превратили нашу страну в военный плацдарм» (Известия.— 1985, 16 июля). Последняя модель наиболее активна — на нее приходится почти половина предложений, сводимых к четырехкомпонентным моделям с глагольным сказуемым. К двухкомпонентной модели сводимо 9,7 % всех предложений. Это конструкции типа «Однако подземные испытания продолжались» (За рубежом.— 1985, 23—29 августа).

Для языка газеты характерно употребление предложений с непrouстым сказуемым. Например: «Газета призывает трудовые коллективы республики повысить организованность в работе...» (Правда.— 1985, 5 июля). В пражской «Русской грамматике» для них не предусмотрено специальной формулы. Они объединены в группу структурных основ с придаточным предложением / инфинитивом, где инфинитив вводится в трех- или четырехкомпонентную схему на правах объектного детерминанта. На наш взгляд, было бы более рациональным выделить для предложений указанного типа особую разновидность модели с инфинитивным компонентом. В пользу такого решения говорит и количество вышеуказанных структур: их встретилось в текстах 2,3 %, что больше, чем число предложений, сводимых, к примеру, к модели инфинитивной, и некоторых других.

Предложения, сводимые к структурной основе с именным сказуемым, составили 20,6 %. Наибольшее количество предложений приходится на долю трехкомпонентных моделей (15,5 %). В свою очередь, они подразделяются на три большие группы: 1) модель, представляющая предложения с именем существительным в позиции сказуемого: «Безработица — это преступность...» (Комс. правда.— 1985, 18 августа); 2) модель с именем прилагательным в позиции сказуемого, манифестируемая предложениями типа: «Мирная передышка была недолгой» (Комс. правда.— 1985, 18 августа); 3) модель с кратким причастием в позиции сказуемого, представленная предложениями типа: «Однако их планы были сорваны» (За рубежом.— 1985, 30 августа — 5 сентября).

Модели с инфинитивом в позиции подлежащего малоактивны — на их долю приходится 0,6 % всех предложений. Например: «Пойти на такой шаг СССР было совсем непросто» (За рубежом.— 1985, 30 августа — 5 сентября). Среди четырехкомпонентных моделей, представляющих 4,7 % всех предложений, наиболее активна модель с кратким причастием в позиции сказуемого. Например: «Его именем назван и этот крупнейший город» (За рубежом.— 1985, 23—29 августа).

Простые односоставные предложения по сравнению с двусоставными употребляются значительно реже. Среди них наиболее частотны предложения с глагольным сказуемым — 7 %. Для удобства их можно представить в виде нескольких групп: 1) предложения, в которых главный член выражен безличным или неопределенно-личным глаголом, сводимые к двухкомпонентной модели. Например: «Французам повезло» (Известия.— 1985, 16 июля); 2) предложения, в которых главный член выражен безличным или неопределенно-личным глаголом в сочетании с инфинитивом, сводимые к трехкомпонентным моделям. Это предложения типа: «Но убеждать его пришлось недолго» (Лит. газета.— 1985, 26 июня); 3) предложения, где главный член выражен модальным словом или предикативным наречием в сочетании с инфинитивом, сводимые к трех- и четырехкомпонентным моделям. Их встретилось примерно столько же, сколько и предложений второй группы. Это структуры типа: «С алкоголизмом можно справиться» (Лит. газета.— 1985, 26 июня).

Представляется существенным, что модели неопределенно-личных предложений более активны, чем модели с безличным глаголом в соста-

ве главного члена. В целом последняя модель представлена примерно в три раза меньшим количеством предложений, чем первая.

Довольно малочисленную группу (0,4 %) составили структурные основы с именным сказуемым. Это предложения типа: «Раулю в 1975 году было сорок...» (Лит. газета.— 1985, 17 июля).

Таким образом, взгляд на газетный текст сквозь призму синтаксической модели дает возможность для более детального изучения особенностей языка данного стиля (публицистического) как системы с типичными и периферийными явлениями. Это, в свою очередь, позволяет дать ответ на многие вопросы отбора учебного материала, указать некоторые пути оптимизации учебного процесса и организовать более целенаправленное представление синтаксических структур, по которым строятся высказывания, с учетом их частотности и значимости в текстах.

¹ См.: Ломтев Т. П. Принципы построения формулы предложения // Филологические науки.— 1965.— № 5.— С. 56.

² См.: Адамец П. К вопросу о синтаксической парадигматике // Československá rusistika.— 1966.— № 2; Крижижкова Е. Проблемы простого предложения // Československá rusistika.— 1967.— № 2; Светлик Я. Синтаксис русского языка в сопоставлении со словацким.— Братислава, 1970.

³ См.: Русская грамматика.— Praha, 1979.

Л. Н. ЧУМАК

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В ПРОЗЕ Е. ЕВТУШЕНКО

Е. Евтушенко — писатель ярко выраженной индивидуальности. Характерной особенностью романа «Ягодные места», его речевой организации является использование автором не только тропов и метафор (*липкое гостеприимство* (56)¹, *пушистая угроза* (62), *веселящиеся окна* (60), но и многочисленных отступлений от литературной нормы. Это обращение к элементам жаргона (*кореш* (87), *субчик* (57), *схимиченная* (73), *ремеслуха* (84); диалектизмам (*затерханный* (38), *вывершивать* (21), *ледизна быстреди* (16), *кошечное место* (16); характерное для писателя создание неологизмов (*полунепонятное* (22), *зловатое* (58), а также синтаксических окказионализмов, основанных на сознательном нарушении синтаксической и лексической сочетаемости слов (*ягодный уполномоченный* (10), *шашлычный папа* (45), *сыноустроительная дрожь* (75).

Цель данной статьи — исследовать на синтаксическом уровне способы создания и использования автором окказионализмов. Приемы окказионального преобразования синтаксических связей всегда глубоко индивидуальны, наиболее имманентны для каждого художника слова.

Наиболее частотной представлена в романе модель **прил.+сущ.** По данной модели формируются, во-первых, словосочетания, возникшие в результате изменения синтаксической связи зависимого компонента в словосочетании — перехода из управляемой формы в согласованную: *вертолетная храбрость* (80) — храбрость вертолетчика, *женское нахождение* (17) — нахождение женщины, *кошачья тема*, *торговая история* (63) — тема о котях, история о торгах, *рисовальные способности* (31) — способности к рисованию, *денежная честность* (57) — честность в деньгах, *глазной контакт* (2) — контакт посредством глаз, *вершинные ветви* (94) — ветви вершин и др. С изменением синтаксической модели изменяется и характер семантико-синтаксических отношений в словосочетании — объектные и субъектные отношения трансформируются в атрибутивные. В подобных синтаксических окказионализмах происходят и грамматические преобразования: изменяется, как правило, и лексико-грамматический разряд образованного прилагательного. Слова, соединенные несколько необычно, останавливают на себе внимание, выступают своеобразным стилистическим приемом повествования.